

ББК 63.1 (2) 6
УДК 9

СОВРЕМЕННОЕ ИСТОРИЧЕСКОЕ ЗНАНИЕ ГРАЖДАНСКОЙ ВОЙНЫ В КОНТЕКСТЕ ОЦЕНОК И СУЖДЕНИЙ СОВРЕМЕННОКОВ

Гришанин П.И.

Пятигорский государственный лингвистический университет

Подробная информация об авторах размещена на сайте

«Учёные России» - <http://www.famous-scientists.ru>

Уникальность того или иного исторического события или явления определяется степенью его «вписанности» в процесс исторического развития. С этой точки зрения история Гражданской войны в России еще долгое время будет предметом жарких споров и многочисленных дискуссий как зарубежных, так и отечественных историков. Ведь, при изучении российской истории в период с 1917 по 1920 гг. сложно использовать как «военные», так и «гражданские» схемы анализа развития основных событий и процессов, они не могут дать исчерпывающего ответа на главный вопрос – почему личная безопасность человека и его выживания были главным мерилем всех ценностей российской государственности в 1917 – 1920 гг. Поэтому поиски ответов на сущностные проблемы понимания феномена Гражданской войны в России лежат в оценочных характеристиках современников революционных событий начала XX в., которые так или иначе связаны с определением государственной самоидентификации.

Не секрет, что современная российская историческая наука и историческое знание на новом этапе своего развития, характеризуются переосмыслением своей роли, своего места в системе общечеловеческих ценностей как неотъемлемой части современного общества. При этом самоопределение исторического знания включено в процесс дифференциации общества и проходит в своем развитии два этапа:

- постепенное формирование и обособление научного знания о социальной реальности от других типов символических универсумов;

- размежевание общенаучного знания «по времени» на общественные науки и историю, занимающуюся прошлой социальной реальностью.

То обстоятельство, что история занимается изучением прошлого, не означает, что она не связана с настоящим. Историческое знание в каждый момент времени привязано к настоящему, диктуется настоящим и во многом определяется настоящим. В этом смысле конструкция

прошлой реальности, воплощенная в сегодняшнем историческом знании, неразрывно связана с конструкцией настоящего.

Кардинальный вопрос методологии истории – это вопрос о том, как изучать исчезнувший объект, т.е. объект, существовавший в прошлом. Поскольку объект познания в истории, как правило, невозможно наблюдать или воспроизвести экспериментально, возникает вопрос о реальности прошлого.

Современная социология знания уравнивает статус реальности прошлого и настоящего. Любое знание о прошлой социальной реальности конструирует эту реальность. Но для того, чтобы общество признало эту конструкцию в качестве реальности, она должна соответствовать определенным критериям. Они в большинстве своем подвижны, изменчивы, но они существуют в каждом обществе в каждый момент времени. Современное историческое знание не является в этом случае исключением. Оно должно соответствовать определенному набору требо-

ваний, предъявляемых к общественнонаучному знанию в целом. Будучи признанным в качестве знания данный исторический дискурс начинает участвовать в конструировании прошлой реальности.

Состояние современной исторической науки необходимо оценивать с точки зрения адекватности получаемого в результате исторического знания, которое имеет столь же длительную историю, как и история человечества. Реконструируя прошлое, историк реконструирует не то, что было «на самом деле», а то, что зафиксировано в источниках, и при этом в его реконструкции присутствует значительная субъективная составляющая. Таким образом, в истории, как и во всех других сферах познания, человек только постоянно приближается к истине, но все равно ее никогда не достигнет.

Уникальность того или иного исторического события или явления определяется степенью его «вписанности» в процесс исторического развития. С этой точки зрения история Гражданской войны в России еще долгое время будет предметом жарких споров и многочисленных дискуссий как зарубежных, так и отечественных историков.

Совокупность политических, военных, экономических, социальных потрясений после октябрьского вооруженного переворота в Петрограде в 1917 г., без сомнения, лишь условно можно называть термином Гражданская война. Ни «военная», ни «социальная» его составляющие не могут объяснить главного – братоубийственного характера развития политических событий в России после захвата большевиками власти. При изучении российской истории в период с 1917 по 1920 гг. сложно использовать как «военные», так и «гражданские» схемы анализа развития основных событий и процессов. Они не могут дать исчерпывающего ответа на главный вопрос – почему личная безопасность человека и его выживания были главным мерилом всех ценностей российской государственности в 1917 – 1920 гг.

Гражданская война была закономерным явлением развития российской государственности особенно для тех её переходных этапов, когда противоречия

между традиционалистским и рациональным типами сознания российского социума достигали своей кульминации. Диапазон ее восприятия был беспредельным, в зависимости от адаптационных способностей каждого к условиям политической нестабильности и экономической непредсказуемости.

Поэтому поиски ответов на существенные проблемы понимания феномена Гражданской войны в России лежат в оценочных характеристиках современников революционных событий начала XX в., которые так или иначе связаны с определением государственной самоидентификации. Атмосфера социокультурного кризиса, следствием которого была Гражданская война, остро ставит проблему достоверности солидного документального массива, имеющегося в распоряжении современного исследователя. При этом нельзя забывать и той специфики политической культуры в России в революционное лихолетье первой трети XX в., когда сознание человека оперировало особым, только этому времени присущим набором категориального аппарата, применяемого для оценки происходящего.

Самым интересным и одновременно крайне сложным являются материалы личного происхождения (дневники, мемуары, переписка и пр.) участников и современников Гражданской войны. Историческое доверие является продуктом телепатии или спиритизма, а так называемой разумной экономии. Как известно, историк устанавливает достоверность подобного рода источника, сравнивая с другими записями, проверяет надежность и добросовестность свидетеля. Отсюда проистекает активное неприятие искажений и извращений исторической критикой, равно как и ее приверженность достоверности свидетельств, а также разделений прочих сведений на недостоверные, вероятные, весьма вероятные, что могут иногда пойти в ход за неимением более надежных.

Выяснив происхождение или природу «достоверных» свидетельств, исследователь получает ответ и на вопрос об их предназначении. Оно, разумеется, заключается не в том, чтобы создавать или

подменять подлинную историю, а в том, чтобы сохранить для потомков даже мало-значительные подробности. С другой стороны, такого рода свидетельства – стимул покопаться в самих себе, дополнение к тому, что можно обнаружить в результате этих размышлений и самоанализа.

Так как факт является историческим в той мере, в какой он осмыслен, и так как ничто не существует вне мысли, вопрос, какие факты являются историческими, а какие нет, не имеет смысла. В этой связи логического критерия отбора документов личного происхождения при изучении Гражданской войны не существует. Критерий состоит в самом отборе, обусловленном, как любое экономическое предприятие, знанием ситуации, практически и научными нуждами определенного момента. Эти практические соображения нельзя считать объективным качеством фактов. Их разделение на «достойные» и «не достойные» войти в историю, на «исторические» и «неисторические» – это дело воображения исследователя, его лексик и риторики [2].

В истории Гражданской войны есть проблемы, но нет проблемы выбора между двумя или многими фактами. Незначительные факты – это тоже факты, вернее следы фактов, сведений, документов и памятников, которые следует рассматривать как отдельный класс. Факты же неисторические (или не осмысленные), если поставить рядом с историческими (осмысленными) фактами, позволят более глубоко исследовать те или иные аспекты Гражданской войны.

Последнее обстоятельство особенно важно с учетом тематической специфики почти всех документов личного происхождения. Их составляющими обязательно были:

- выяснение и объяснение причин Гражданской войны именно как национальной катастрофы;
- прогнозирование результатов политического развития, напрямую связанного с военным противостоянием красных и белых;

- поиски аналогичных политических событий во всемирной и отечественной истории;

- оценочные характеристики деятельности того или иного политического деятеля эпохи Гражданской войны;

- идеализация русского народа и его проблем;

- ностальгия «по порядку и законности», довольно часто ассоциируемых с романовской Россией;

- описание повседневных дел и работ.

Почти все материалы личного происхождения несли на себе отпечаток революционной эпохи, характеризуемой крушением прежних стереотипов жизни. Особенно в дневниковых записях много пессимизма, безысходности и неопределенности в будущем. Поиски же виновных произошедшего вели к гипертрофии роли отдельного человека в развитии политических событий в России. Почти каждый считал, что он, так или иначе, причастен к возникновению этой национальной трагедии.

Отличительной особенностью так называемых белых мемуаров, написанных их авторами уже в эмиграции, была включенность в контекст работы исследовательского элемента. И А.И.Деникин, и П.Н.Врангель, и А.С.Лукомский, и П.Н.Краснов, и П.Н.Милюков, и П.П.Скоропадский, и П.М.Бермондт-Авалов, и П.Б. Вишняк и многие другие пытались описать теоретико-методологические параметры таких категорий как «революция», «контрреволюция», «белое движение», стараясь тем самым отойти от классового подхода к оценке происходивших событий. Поднимались общечеловеческие ценности, особенно актуализированные в период трансформационных изменений российской государственности. При этом традиционная для российского сознания дихотомия «свои - чужие» преподносилась в этих работах не столько через призму классовости, сколько через определение виноватых в нарушении традиций развития российской государственности.

Кроме того, особенно остро воспринималась проблема насилия как средства политического господства. О красном и белом терроре современниками было написано немало. Все великое множество иллюстративного материала, однако, было представлено исключительно для того, чтобы доказать неизбежность кровопролитий, с одной стороны, а, с другой – извиниться перед народом за содеянное. Русский народ представлялся в документах личного происхождения в качестве того самого мифического судьи, у которого все просили прощение за то, что не смогли оправдать надежд этого самого русского мужика. «Народ требовал достоверностей, мы же от достоверностей отворачивались, – каялся С.Я. Эфрон. – Мы предлагали умирать за Родину, народ вожделем землю. Отсюда большая народность даже “Махновщины” с лозунгом – “За землю, за мужиков, против большевиков, буржуев и помещиков”, и ненародность Добровольчества с нашей “Единой и Неделимой”... А народ? Возненавидев большевиков, он не принял и нас, хотя и жаждал власти, порядка и мира. Он пошел своей дорогой, – не большевистской и не белой» [5].

С точки зрения тематической направленности в мемуарном блоке документов личного происхождения условно можно выделить несколько групп:

- мемуары-исследования с преобладанием военной проблематики;
- мемуары-исследования с преобладанием политической проблематики;
- мемуары-исследования с преобладанием описания личностного восприятия происходившего;
- мемуары-исследования смешанного типа.

Безусловно, немало было написано воспоминаний с высоким уровнем эмоциональных оценок (раздражение, агрессивность) в первую очередь политических и социально-экономических реалий Гражданской войны. В этом смысле и красные, и белые были равны, потому что в определенной степени отражали исторический код развития российской государственности в 1917-1920 гг.

Еще более показательны в этом плане литературные произведения (романы, повести, рассказы) современников и участников политического противостояния. Они еще более ярко отражают атмосферу социокультурного кризиса, состояния психологического надлома, переживаемого человеком в условиях политического и социально-экономического надлома России в 1917 – 1920 гг.

Но, так или иначе, все эти группы документы позволяют исследователям собрать информацию о Гражданской войне – отражение реального мира, которое очень разнообразно по своим проявлениям. Современный уровень развития отечественной исторической науки характеризуется разработкой нового источниковедческого инструментария, использование которого позволит обогатить изучение Гражданской войны новыми открытиями не только фактологического, но и методологического характера [6].

Своеобразную триаду базовых средств анализа документальных материалов по истории Гражданской войны составляют:

- количественный контент-анализ (стандартизированные процедуры подсчета выделенных категорий);
- качественный контент-анализ (содержательное изучение текстового материала);
- ивент-анализ (метод анализа событийных данных, который направлен на обработку информации, показывающей, кто говорит или делает, что говорит или делает, по отношению к кому и когда говорит или делает);
- когнитивное картирование (графическое изображение причинных связей между переменными, когда переменные изображаются в виде точки, а связи между ними в виде стрелки).

Использование этих методов позволяет поднять изучение истории Гражданской войны до уровня моделирования политических, экономических и социальных процессов в России 1917 – 1920 гг.

И только совокупность таких подходов позволит разобраться в сложных перипетиях Гражданской войны и тем са-

мым приблизиться к пониманию особенностей данного феномена российской государственности. Впрочем, об этом было немало страниц исписано современниками, в том числе и известным эмигрантским историком и публицистом С.П. Мельгуновым. «Надо глубже окунуться в эту пучину социальных отношений и многообразных политических переживаний, - писал он в своем известном эмигрантском исследовании «Трагедия адмирала Колчака», - надо еще больше проникнуться атмосферой эгоистического себялюбия, которые рождала Гражданская война, наряду с подлинным героизмом и жертвенностью; надо ближе подойти к переживаниям народных масс – тогда понятнее станет то, что я назвал трагедией адмирала Колчака. Это была не только личная драма – драма разочарования в людях; драма крушения надежд и разбитых иллюзий. Это была трагедия всей Гражданской войны. Трагедия

России и ее народа» [7]. Важность для исследователей Гражданской войны этих слов трудно переоценить.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ:

1. Бердяев Н.А. Духовные основы русской революции. Опыты 1917 – 1918 гг. СПб., С.108-109.
2. Кроче Бенедитто. Теория и история историографии. М., 1998. С. 58.
3. Родзянко А.П. Воспоминания о Северо-Западной армии. М., 2000. С.165.
4. Гиацинтов Э. Записки белого офицера. СПб., 1992. С.66-67.
5. Эфрон С.Я. Записки добровольца. М., 1998. С.171.
6. См.: Боришполец К.П. Методы политических исследований. М., 2005. С.51- 75.
7. Мельгунов С.П. Трагедия адмирала Колчака. Книга первая. Ч.1 и 11. М., 2004. С.547.

MODERN HISTORICAL KNOWLEDGE OF THE CIVIL WAR EVENTS IN THE SCOPE OF CONTEMPORARIES' (EYEWITNESSES) OPINIONS

Grishanin P.I.

Pyatigorsk State Linguistic University

The unique feature of the historical event is the level of its accordance for the process of the historical development. (From this point of view) the events of the Civil War in Russia will be the background for the debates both for Russian and foreign researchers. Studying the events of Russian history, especially the period of 1917 - 1920, one must bear in mind not only the "military" or "civil" schemes of analysis of the basic episodes and process. Unfortunately they are not able to give us the exhaustive explanation for the most important question - why the private safety of the person (and his survive) were the main measure of values in Russia in 1917-1920. That is why trying to find the request that can explain the phenomena of the Civil War in Russia one must take into consideration the appraisals of the eyewitnesses as they more or less dealt with the state self identity.